

Правосудие — это правда в действии.

Бенджамин Дизраэли
Выступление перед палатой общин
11 февраля 1851 года

Несправедливость где-либо —
это угроза справедливости повсюду.

Мартин Лютер Кинг — младший
Письмо из Бирмингемской тюрьмы
1963 год

ПРОЛОГ

Охота на ведьм

*Салем-Виллидж и Салем-Таун,
колония Массачусетского залива, июнь 1692 года*

Она отличалась от всех, считалась белой вороной. Хотя она и жила в их общине, но на деле всех их сторонилась. Идеальная характеристика для человека, который внушает страх.

Она всегда одевалась в черное, частенько ее наряды были странными и едва ли соответствовали пуританскому благочестивому образу жизни. Поэтому когда сэр Уильям Фипс — не так давно назначенный губернатор Королевской колонии Массачусетского залива — учредил суд Ойер и Терминер (по традициям британского права название *Oyer and Terminer* происходит от англо-французского выражения, которое переводится как «услышать и определить»), то никого не удивило, что 60-летней Бриджет Бишоп предстояло первой предстать перед этим судом.

Прошло более пяти месяцев с 20 января, когда у Бэтти, девятилетней дочери преподобного Сэмюэла Перриса, а также у его 11-летней племянницы Эбигейл Уильямс впервые среди прихожан церкви в Салем-Виллидж проявился странный недуг. У них начались внезапные приступы: то они чувствовали, что в них втыкают

острые иглы, то — что им защемляют внутренности или их язык прорывает глотку. Девочки могли внезапно очень громко завопить или ощутить острую боль в спине и в шее. Доктор Уильям Григгс тщательно осмотрел пациенток, но не смог найти причин, приводящих к этим ужасающим симптомам.

Болезнь быстро перекинулась на 12-летнюю подругу девочек Энн Патнэм, затем на 17-летнюю подругу Энн Мэри Уолкотт и на служанку Патнэмов Мерси Льюис, которой тоже было 17 лет. Вскоре еще десять девушек и молодых женщин в возрасте до двадцати лет столкнулись с теми же проблемами.

Преподобный Пэррис, получивший образование в Гарварде, а также другие видные деревенские старейшины пришли к самому логичному выводу в такой ситуации: «Среди нас пробудился дьявол», — и страшное колдовство стало разрушать прочные устои общины с ее упорядоченной во всем жизнью. Коттон Мэзер — наиболее ученый и влиятельный министр в колонии, сын преподобного Инкриза Мэзера, президента Гарварда, — уже предупреждал о подобной угрозе в своем известнейшем трактате «*Памятные знамения*» и сам исследовал заколдованных детей в Бостоне.

Чтобы подтвердить диагноз врача и убеждение министра, пришлось применить самые разные научные методы. Соседка преподобного Пэрриса Мэри Сибли, чья племянница Мэри Уолкотт была одной из пострадавших, заставила рабыню Пэрриса по имени Титуба, а также Джона Индиана, мужа Титубы, испечь ведьмин пирог. Этот хорошо себя зарекомендовавший метод впервые был применен в Англии. Вместо молока брали мочу больных девочек и смешивали ее с ржаной мукой. Когда вынутый из печи пирог остывал, им нужно было накормить собаку. Если у собаки после этого проявлялись те же симптомы, что и у больных людей, тогда считалось доказанным: люди

действительно пострадали от колдовства. А когда подозреваемую ведьму вычислили, то можно было прибегнуть к «проверке прикосновением», которую описал Декарт в своем «Учении об эффлювии». Если подозреваемый коснулся жертвы во время приступа и приступ прекратился, значит, подозреваемый и вызвал ту беду.

Ближе к концу февраля некоторые из девочек назвали имена трех женщин, которые мучили их. Первой была Титуба, она развлекала девочек рассказами, заклинаниями и прибаутками-заговорами из своего фольклора. Второй оказалась Сара Гуд — старая бездомная попрошайка, которая ходила от двери к двери и, как было известно, ворчала на тех, кто не подавал ей милостыню. Третья — вдова Сара Осборн — к вящему неодобрению всего города вышла замуж за слугу и к тому же редко посещала церковь. Всем было понятно, что столь маргинальные члены общины вполне могли вступить в сговор с дьяволом. Суд выдал ордера, и женщин арестовали по подозрению в колдовстве. К этому моменту следователи располагали солидной информацией для работы с подозреваемыми.

Первого марта мировые судьи Джон Хаторн и Джонатан Корвин начали слушания в молитвенном доме деревни Салем-Виллидж, переоборудованном во временный зал суда. Все девочки подтвердили, что на них напал *призрак* Сары Гуд.

Во время строгого допроса «тетушки» (их прозвали Goodies, от слова Goodwife — «мать семейства») Гуд и Осборн отрицали, что они ведьмы. Титуба, очевидно стараясь спасти себя, призналась, что была соблазнена дьяволом, но утверждала, что больше ему не служит. Следуя той же тактике, Гуд стала доказывать, что детей мучила именно Осборн. Однако проникательные следователи поняли: раз она об этом знала, значит, тоже является ведьмой.

На следующей неделе всех трех подозреваемых отправили в тюрьму Бостона, которая находилась в двадцати милях, и слушания продолжились. Всех, кого обвиняли девушки, доставляли на экспертизу, и большинство из этих людей отправлялось в тюрьму. Вскоре в список подозреваемых стали попадать уже не только маргинальные члены общины. Не прошло и месяца, как к ответу были призваны и благочестивые прихожане церкви, такие как Ребекка Нёрс.

При этом поведение пострадавших девочек не улучшилось. По всему выходило так, что дьявол облюбывал Салем и его окрестности. Ситуация достигла критических масштабов — будто смертельная болезнь, эти странные приступы стремительно распространялись, и носителем этой болезни мог оказаться любой. Никто не оставался вне подозрений.

Марта Кори высказала вслух общую мысль: а стоит ли настолько верить в показания пострадавших девочек? Вскоре после этого эти девочки увидели ее призрак в церкви на балке под потолком, прямо над ними. Они рассказывали, что призрак Марты держал на руках странную желтую птицу, словно Богородица держит младенца.

Одна из девочек, Мэри Уоррен, указала на свою хозяйку Элизабет Проктор. Муж Элизабет, известный и процветающий фермер, не верил в колдовство, как и Марта Кори. Когда дело Элизабет слушалось в суде, девочки выкрикивали его имя. Во время допросов Мэри не раз заявляла, что муж Элизабет — колдун.

Вне молитвенного дома, где слушалось дело, Мэри, как выяснилось, признала, что Джон Проктор никакой не колдун. Она предположила, что действия юных обвинительниц — всего лишь забава. Услышав это, другие девочки назвали ведьмой уже ее. Мэри арестовали, и после нескольких официальных допросов она тоже заявила, что Прокторы — колдун и ведьма.

Расследование приобрело такие масштабы, что его штаб пришлось перенести в большую церковь Салем-Тауна, в восьми милях от первоначального места.

Тем временем Сара Осборн умерла в заточении, а Сара Гуд родила. Ее ребенок скончался в тюрьме, и это лишь подтвердило подозрения в том, что у нее черная душа.

Тридцать первого мая на обвинения мировых судей отвечал Джон Олден. Это был 60-летний уважаемый всеми морской капитан и индейский борец¹, сын знаменитой пары Джона и Присциллы Олден. Он тоже не верил в колдовство и имел смелость предположить, что хорошая порка сможет излечить девочек от их припадков. Вскоре жертвы странного недуга назвали его главным колдуном.

Суд Ойер и Терминер, созданный для рассмотрения дел всех этих обвиняемых, состоял из семи судей, ученых и уважаемых людей. Губернатор Фипс назначил своего заместителя Уильяма Стоутона председателем с полномочиями главного судьи. Судьи посоветовались и определили некоторые ключевые правила. Признавшись, ведьма не понесет наказания. Это и позволит проявить милосердие, и побудит подсудимых называть имена других людей, практиковавших черные искусства. Стоутон консультировался с самыми известными и опытными пасторами Массачусетского залива и, наконец, пришел к выводу, что принимать следует и призрачные улики, связанные с видениями из потустороннего мира.

Таким образом суд подготовился к явке своей первой подсудимой, Бриджет Бишоп.

В 60 лет Бишоп похоронила уже двух мужей, из-за смерти второго ее обвинили в колдовстве еще прежде,

¹ «Индейской борьбой» в то время называли состязания в силе, например борьбу на руках. – *Здесь и далее примеч. пер.*

чем разразился описываемый переполох. Но тогда ее оправдали. Потом она вышла замуж за Эдварда Бишоп, успешного владельца лесопилки.

Пять девочек назвали ее имя среди тех, кто причинил им ужасный вред. Владелец красильни Сэмюэл Шаттак дал показания о том, что тетушка Бишоп приносила ему на покраску «кусочки разных кружев», такие маленькие, что сгодились бы только на куклу. Что-то похожее проводили с куклами вуду. А Джон и Уильям Блай рассказали, что во время работы в подвале дома этой женщины видели куклу в черных кружевах, а еще она уморила колдовством их свинью. Несколько мужчин засвидетельствовали, что дух тетушки Бишоп появлялся в их домах и нападал на них во сне.

Во время допроса в суде Бишоп упорно отрицала, что она ведьма, что мучила девочек или заставляла их подписывать книгу дьявола. Неспособность признаться показала, что ее нельзя спасти.

К концу дня все правила юриспруденции были соблюдены, все необходимые судебные процедуры выполнены. Присяжные вернулись с приговором: они признали Бриджет Бишоп виновной по всем пунктам обвинения в колдовстве.

Восемь дней спустя, 10 июня, ее привезли на Холм виселицы — Гэллоуз-Хилл — и повесили.

Пять дней спустя двенадцать авторитетных министров Массачусетского залива уведомили суд письмом о своих сомнениях насчет правдивости призрачных показаний. Коттона Мэзера обеспокоило неверное понимание научного подхода. Он сделал вывод, что свидетельства о появлении призраков ведьм перед их жертвами ненадежны. Ведь дьявол может запросто принять облик любого человека, а тот ничего не заподозрит.

Однако судебное разбирательство не остановилось. Уильям Бил сообщил большому жюри округа Эссекс, что

к нему явился призрак Филипа Инглиша, и на следующий день его сын Джеймс, больной оспой, умер, хотя до того, казалось, начал выздоравливать. К счастью для Инглиша, ему удалось сбежать из тюрьмы и переждать всю эту панику в Нью-Йорке.

Другим людям повезло меньше. Пять женщин, в том числе Ребекка Нерс, предстали перед судом 29 июня. Тетушку Нерс — 70-летнюю мать и бабушку из известной фермерской семьи — присяжные оправдали из-за отсутствия доказательств. Но когда огласили приговор, с пострадавшими девочками в зале суда началась истерика. Главный судья Стоутон увидел в этом *prima facie* — очевидное подтверждение ее вины, и настоял на отмене вердикта присяжных.

Девятнадцатого июля всех пятерых женщин повесили на Гэллоуз-Хилл.

К концу сентября девятнадцать подсудимых — тринадцать женщин и шестерых мужчин — признали виновными в колдовстве и казнили через повешение. Дело Джорджа Берроуза окончилось для него неудачей из-за того, что он не крестил одного из своих детей — а ведь это явное подтверждение связей с сатаной. Его повесили 19 августа вместе с Джоном Проктором и тремя другими осужденными. Их отлучили от церкви как ведьм и колдунов, признанных судом, и не стали хоронить надлежащим образом.

Двадцатый подсудимый — 80-летний фермер по имени Джайлз, муж Марты Кори, — отказался признавать вину и выразил протест против законности всей процедуры расследования. Судьи приказали отвести его в поле и класть ему на грудь тяжелые камни, пока тот не запросит пощады. Но на все обращения к нему Джайлз отвечал: «Прибавьте веса!» Старик задохнулся под этим весом, но не признал себя колдуном.

Между тем судебные слушания вызывали все большую тревогу, число критиков этого процесса посто-

янно увеличивалось. Министров из числа голландских и французских кальвинистов в Новой Англии беспокоил вопрос достоверности доказательств. Главный судья Нью-Йорка выразил озабоченность по поводу качества правосудия. Томас Брэттл, известный бостонский математик и астроном, член Лондонского королевского общества по развитию знаний о природе, опубликовал письмо с резкой критикой уже проведенного в Салеме судебного процесса. Он написал: *«Я боюсь, что веками будут порицаться эти события и останутся от них несмываемые пятна на нашей земле».*

Очевидно, губернатор Фипс нервничал. Он убедил Коттона Мэзера опубликовать трактат *«Чудеса невидимого мира»* в виде *«отчета о суде над несколькими ведьмами, недавно казненными в Новой Англии».* Автор надеялся, что его труд «очень поможет утихомирить волны ярости, которые мы сейчас так сильно обрушиваем друг на друга».

Несмотря на казни, зло продолжало захватывать деревню Салем и соседние общины. Дело заходило все дальше. Девочки обвиняли всех, на кого хватало выдумки, включая жену губернатора Мэри Фипс. Одна из них указала даже на самого Коттона Мэзера.

В октябре Инкриз Мэзер, отец Коттона, посетил Салемскую тюрьму и обнаружил, что некоторые из тех, кто признался, хотят отказаться от своих показаний. Во время большей части процесса он находился в Англии, а когда вернулся, то очень встревожился тем, что узнал. Мэзер-старший высказал свои опасения в трактате: *«Вопросы совести по отношению к злым духам в обличье людей, колдовству, безошибочным доказательствам вины в подобных случаях».*

В этом трактате Мэзер сформулировал свою знаменитую фразу: *«Пусть лучше десять подозреваемых ведьм сбегут, чем один невиновный человек будет осужден».* Эта его пози-

ция, конечно же, стала моральной основой современной нам системы правосудия.

Важно отметить, что почти все побуждения остановить происходивший кошмар возникли *за пределами* Салемской общины.

Еще до конца октября Общий суд колонии Массачусетского залива приказал провести встречу министров для оценки сложившейся ситуации. Через три дня губернатор Фипс распустил суд Ойер и Терминер, а всех оставшихся заключенных освободили под залог.

В конце ноября был создан новый Верховный суд для рассмотрения оставшихся дел, но больше не было ни обвинительных приговоров, ни казней. Люди перестали обращать внимание на больных девочек, у тех прекратились демонстративные припадки, и Салемские суды над ведьмами подошли к концу. В мае 1693 года губернатор Фипс помиловал всех оставшихся подсудимых. Никого и никогда больше не казнили за колдовство ни в американских колониях, ни в той стране, которая позже возникла из этих колоний.

Причины недугов девочек остаются предметом споров. Кто-то говорил, что это был неправильно диагностированный физический недуг, возможно, грибковая инфекция от злаковых, которую сейчас называют отравлением спорыньей. Хотя это не объясняет, почему симптомы проявлялись только у девочек и молодых женщин от девяти до двадцати лет. Возможно, началось все с того, что две девушки просто искали внимания, а позже пытались избежать наказания за самовольный переход строго установленных для них социальных границ. Или же там случилось массовое конверсионное расстройство¹, когда существовавшие ранее невротические состояния преоб-

¹ Патология истерического спектра, значительным образом влияет на поведение человека.